

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовного права и процесса

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент
В.И. Морозов

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА
СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ**

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Друшляк Кирилл Владимирович

Руководитель
канд. юрид. наук,
доцент

Иванова Лилия Викторовна

Рецензент
адвокат Специализированного
филиала «Юрпрофи» Коллегии
адвокатов УрФО,
канд. юрид. наук

Комаров Вячеслав Борисович

Тюмень
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ...8	
1.1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	8
1.2. ВЛИЯНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ.....	15
1.3. ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.....	22
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СОСТАВА НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ	31
2.1. ОСНОВНОЙ СОСТАВ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ	31
2.2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ	43
2.3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	62

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное законодательство защищает широкий круг общественных отношений, среди которых важное место занимает религиозная сфера. В современном мире религиозные отношения продолжают охраняться уголовно-правовыми нормами путём закрепления посягательств на свободу совести и вероисповеданий.

Для того, чтобы подчеркнуть важность религии для современной России, в 2013 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) произошли изменения: в ст. 148 были фактически введён новый состав и закреплена уголовная ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих [9]. Но и до этого свободу совести и вероисповеданий была объектом уголовно-правовой охраны.

Обозначенное законодательное нововведение мгновенно вызвало широкий общественный резонанс и споры в политических, религиозных и юридических кругах и подняло вопрос о защите свободы совести и вероисповеданий. Практически любое уголовное дело по обвинению в оскорблении чувств верующих получало широкую огласку в средствах массовой информации. Это касается прежде всего двух дел, которые, по сути, возобновили общественную дискуссию: обвинения блогера Руслана Соколовского и скандальной панк-группы «Pussy Riot» [65]. С 2013 г. и до сегодняшнего дня идёт спор о целесообразности криминализации оскорбления религиозных чувств верующих [Тихонова, с. 20].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена целым рядом причин. Во-первых, защита свободы совести и вероисповеданий непосредственно связана с защитой от оскорбления религиозных чувств верующих. Последнее является относительно новым составом, и вокруг объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, ведутся многочисленные споры, как и по поводу его квалифицированных видов. В частности, нет единого мнения по поводу того, что

следует вкладывать в понятие «религиозные чувства верующих» как объект уголовно-правовой охраны [Жамурзов, с. 72].

Во-вторых, немногочисленная правоприменительная практика всегда вызывает споры о целесообразности существования ст. 148 УК РФ в том виде, в каком она существует сейчас. Так, согласно официальным данным судебной статистики, в 2018 г. по ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ было осуждено 8 чел. [63], а в 2019 г. – всего 3 [62]. А по ч.ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ – ни одного за 2019-2020 гг. Поэтому можно вести речь о существовании так называемых «мёртвых» положений уголовного законодательства.

В-третьих, закономерно возникает вопрос о соотношении охраны права на свободу совести и вероисповеданий со свободой слова. По этому поводу многие исследователи небезосновательно отмечают, что обозначенное нововведение в уголовном законодательстве вредит свободе слова и идеологическому многообразию [Бурьянов, с. 10].

Таким образом, глубокое и всестороннее изучение уголовно-правовой защиты права на свободу совести и вероисповеданий необходимо для выработки единых правоприменительных рекомендаций и для совершенствования уголовно-правовой охраны отношений в религиозной сфере.

Степень научной разработанности темы исследования. Охрана свободы совести и вероисповеданий традиционно вызывает широкий интерес не только в обществе, но и в уголовно-правовой науке. Можно отметить труды таких исследователей, как В.Г. Беспалько, А.А. Бимбинов, С.А. Бурьянов, А.И. Гончаренко, Т.Н. Ермакова, Т.Е. Иванова, А.С. Меньшиков, В.А. Новиков, Р.Б. Осокин, Н.И. Пряхина, Е.А. Розенко, А.В. Серебренникова, А.М. Смирнов, Ю.Е. Федотова, Д.В. Шилин и др.

Как показывает анализ исследований перечисленных авторов, преобладающим мнением в уголовно-правовой науке является то, что современная уголовно-правовая охрана права на свободу совести и вероисповеданий необходима, однако в текущем виде малоэффективна и входит

в противоречие с другими правами и свободами, в частности, свободой слова и мнений.

Объектом исследования выступают правовые отношения, возникающие в связи с нарушением права на свободу совести и вероисповеданий.

Предметом исследования являются нормы отечественного и зарубежного законодательства, обеспечивающие право на свободу совести и вероисповеданий, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение такого права, материалы судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ, а также научная литература по теме исследования.

Цель исследования – рассмотреть уголовно-правовую характеристику нарушения права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), а также законодательные и правоприменительные проблемы, предложить пути решения выявленных проблем.

Исходя из обозначенной цели, задачи, при выполнении которых возможно достижение этой цели, следующие:

- 1) рассмотреть особенности уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий в зарубежных странах;
- 2) изучить влияние норм международного уголовного права об ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий на национальное законодательство;
- 3) рассмотреть предпосылки криминализации нарушения права на свободу совести и вероисповеданий;
- 4) проанализировать пределы уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий в контексте обеспечения права на свободу вероисповедания;
- 5) рассмотреть основной состав нарушения права на свободу совести и вероисповеданий (ч. 1 ст. 148 УК РФ);

б) рассмотреть особенности дифференциации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ч.ч. 2-4 ст. 148 УК РФ);

7) изучить проблемы квалификации ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий и предложить правоприменительные рекомендации.

Методологической базой данного исследования послужили следующие методы исследования: описательный, сравнительный, исторический, структурно-функциональный и системный, которые позволили собрать, проанализировать необходимую информацию и сделать выводы о проделанном исследовании.

Нормативная основа исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом РФ, иными нормативными правовыми актами, связанными с обеспечением права человека на свободу совести и вероисповеданий, в том числе акты международного характера.

Эмпирической основой исследования стали постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения российских судов по уголовным делам, связанным с нарушением права на свободу совести и вероисповеданий.

Теоретическую основу исследования составили работы таких исследователей в области уголовного права, как: В.Г. Беспалько, А.А. Бимбинов, С.А. Бурьянов, А.И. Гончаренко, Т.Н. Ермакова, Т.Е. Иванова, А.С. Меньшиков, В.А. Новиков, Р.Б. Осокин, Н.И. Пряхина, Е.А. Розенко, А.В. Серебренникова, А.М. Смирнов, Ю.Е. Федотова, Д.В. Шилин и др.

Апробация результатов исследования. Автором была подготовлена научная статья «Уголовная ответственность за нарушение права на свободу вероисповедания в Российской Федерации как светском государстве», которая опубликована в № 4 журнала «Молодой ученый» за 2019 год.

Научная новизна исследования. Автор акцентирует внимание охраны права на свободу совести и вероисповеданий прежде всего от экстремистских проявлений и считает целесообразным изменить ч. 1 и ч. 2 статьи 148 УК РФ.

Помимо этого, автор впервые обосновывает проблему необходимости замены признака публичности на «место совершения преступления».

Структура работы определена целями и задачами исследования. Настоящая работа включает введение, две главы, заключение и библиографический список. Первая глава «Теоретическая характеристика ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» состоит из трёх параграфов и посвящена международному и зарубежному опыту уголовно-правовой охраны свободы совести и вероисповеданий и его влиянию на уголовное право России. Также в первой главе затрагиваются вопросы о пределах защиты свободы совести и вероисповеданий уголовно-правовыми средствами.

В свою очередь, вторая глава «Анализ состава нарушения права на свободу совести и вероисповеданий», также состоящая из трёх параграфов, посвящена уголовно-правовой характеристике ст. 148 УК РФ и проблемам применения данной нормы. В ней предложены правоприменительные рекомендации по оценке деяний, подпадающих под признаки нарушения права на свободу совести и вероисповеданий.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

1.1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны нашла своё отражение в зарубежном и международном законодательстве. Это же касается уголовной ответственности за различные посягательства на религиозные и другие тесно связанные с ними отношения.

В большинстве зарубежных стран уголовно наказуемыми являются такие деяния, как дискриминация по религиозному или иному духовному признаку, вмешательство в проведение религиозных обрядов, осквернение мест культового поклонения и т.п. При этом подход законодателей может быть разным.

Можно выделить три основных подхода к криминализации рассматриваемых преступлений [Калягина, с. 52].

1) страны, где подобная криминализация отсутствует. Специальных преступлений против религии и верующих в уголовном законодательстве не предусмотрено, однако ненависть на религиозной почве может быть одним из признаков более общего преступления (дискриминации). Сюда входят такие страны, как Франция и США (некоторые штаты);

2) страны, где религия охраняется законом в силу религиозной основы правовой системы. Это касается в основном мусульманских стран, где преступлением являются не только оскорбления чувств верующих, но и вероотступничество. Сюда входят такие страны, как Иран, Саудовская Аравия и др. В частности, в Иране за богохульство и оскорбление Пророка следует

смертная казнь (ст. 262 Книги 2 Закона об уголовных наказаниях Исламской Республики Иран) [Ермакова, с. 72];

3) страны, где религия также охраняется законом. В отличие от предыдущей группы стран, уголовно-правовой охране подлежат все лица независимо от того, какую религию они исповедуют или исповедуют ли вообще. Соответственно, наказания за посягательства менее строгие. Как правило, преступными являются посягательства на свободу религиозных объединений, вмешательство в отправление религиозных обрядов, преступления в отношении мест культового поклонения [Ермакова, с. 74].

В данную группу можно отнести страны, где рассматриваемые деяния отнесены к преступлениям против общественного порядка или объединены в рамках одной структурной части уголовного закона. К первым следует отнести Израиль, Швецию, Нидерланды, Данию и др., а ко вторым – Германию, Австрию, Китай, Японию, Польшу и др.

Что касается России, то она также относится к странам, где религия и соответствующие общественные отношения подлежат уголовно-правовой охране. Часть преступлений отнесена к деяниям против общественного порядка, но в целом они не объединены и не сгруппированы.

Следует подробнее рассмотреть особенности уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий в тех зарубежных странах, где присутствует или присутствовал аналог ст. 148 УК РФ, а также близкие к ней уголовно-правовые нормы.

1. Китай. Глава 4 Уголовного кодекса Китая (УК КНР) содержит преступления против демократических прав граждан. Преступления против религиозных прав неразрывно связаны с дискриминацией в той или иной форме. Например, в ст. 249 УК КНР идёт речь о пропаганде национальной ненависти и дискриминации на этой почве, а в ст. 250 – о публикации в печатном виде дискриминационных материалов, которые грубо оскорбляют национальные меньшинства.

Указанные нормы можно соотнести со ст. 282 УК РФ, так как имеет место совпадение объектов и объективной стороны, если не считать особенности конструирования нормы в китайском уголовном законодательстве. Однако чувства верующих и религиозные отношения как самостоятельный объект не указаны [Ширшов, с. 150].

Ближайшим аналогом ст. 148 УК РФ следует считать ст. 251 УК КНР, в которой идёт речь о различных посягательствах на традиции и обычаи национальных меньшинств, связанные с их вероисповеданием. В частности, преступным является незаконное лишение должностными лицами права на свободу вероисповедания. Если незаконное лишение такого права соответствует ч.ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ, то посягательства на традиции и обычаи соответствует ч.ч. 1, 2.

Однако китайский законодатель сузил сферу применения статьи, сделав объектом уголовно-правовой охраны только религиозные отношения с участием национальных меньшинств (в Китае к таковым отнесены тибетские народы, корейцы и др.) [Калягина, с. 53]. То же самое касается и субъекта – он специальный: должностное лицо. Значит, приведённая норма защищает религиозную сферу от посягательств со стороны государства, а не граждан [Калягина, с. 54].

Что касается нормы, целью которой является защита всех граждан независимо от их вероисповедания, то такая в китайском уголовном законодательстве отсутствует. Преступное действие в виде оскорбления чувств верующих также напрямую не упоминается. Таким образом, УК КНР, в отличие от УК РФ, защищает религиозные права меньшего круга лиц (национальных меньшинств) и за более серьёзные посягательства, куда не входит оскорбление чувств верующих.

2. Германия. Германское уголовное законодательство охраняет религиозные отношения путём установления единого объекта охраны – общественного порядка. Так, в § 166 УК ФРГ идёт речь о таком преступном деянии, как распространение оскорбительных материалов. Такие материалы

должны оскорблять религию или какую-либо идеологию, мировоззрение. Распространение возможно различными способами: нарушающими общественное спокойствие, публично или письменно. Квалифицирующим признаком является оскорбление церкви или других религиозных обществ, которые действуют в Германии, равно как их объединениям [Серебренникова, с. 143].

Таким образом, в § 166 УК ФРГ содержится крайне близкое по содержанию с ч.ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ преступление. В обоих случаях идёт речь об оскорблении чувств верующих как группы, а не отдельных лиц. Один из обязательных признаков тоже совпадает – публичность. Однако в германском праве вместо публичности может иметь место другой способ донесения оскорбительных материалов: письменный или нарушающий общественный порядок [Бимбинов, с. 116].

В свою очередь, § 167 УК ФРГ является аналогом ч.ч. 3, 4 ст. 148 УК РФ: он устанавливает уголовную ответственность за различного рода вмешательство в религиозные обряды: богослужения, религиозные обряды и т.д. Для того, чтобы стать уголовно наказуемыми, такие действия должны характеризоваться прямым умыслом и грубой формой.

Также обязательным является место совершения деяния: территория церкви (или другого религиозного сооружения) и других религиозных мест, где проводятся соответствующие обряды. Одной из форм деяния является оскорбительное бесчинство. То есть в отличие от § 166 УК ФРГ оскорбление осуществляется непосредственно в религиозном сооружении или месте и имеет признаки хулиганства. А в отличие от ст. 148 УК РФ, умысел здесь – преднамеренный [Розенко, с. 47].

3. Великобритания. Английское уголовное право давно защищает религиозные отношения. Так, уже в середине 16 в. были приняты нормы, которые охраняли англиканскую церковь от возможных оскорблений и инакомыслия путём ограничения свободы творчества. Эти нормы существовали вплоть до 20 в., когда объективно потребовалось изменить законодательство в

сторону распространения правовой защиты не только на англиканскую церковь. Было криминализовано богохульство, которое, по сути, и есть оскорбление чувств верующих, однако защите по-прежнему подлежала только англиканская церковь. Под богохульством понимались любые письменные высказывания, суждения, а также оскорбительные, непристойные выражения, которые оскорбляют или иным образом унижают Бога, Библию или христианскую религию в целом.

Лишь в 2008 г. приведённые положения были отменены. Поэтому можно сделать вывод, что английское право шло по пути снижения уголовной ответственности и, в итоге, декриминализации оскорбления чувств верующих. Одна из причин – необходимость привести национальное законодательство в соответствие с международным. Действительно, богохульство в том виде, в каком оно существовало в праве Великобритании, нарушало ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подробнее о международном законодательстве речь пойдёт в следующем параграфе исследования).

По подобному пути пошли законодатели и некоторых других европейских стран. На место богохульства как посягательства исключительно на доминирующую в государстве религию пришла более общая норма – оскорбление чувств верующих (т.е. представителей любых религиозных конфессий) или дискриминация на религиозной почве. Подобное произошло в Италии, Швеции и в Норвегии из-за необходимости соблюдения норм международного права, а также отсутствия правоприменительной практики [Бурьянов, с. 178].

В Норвегии является преступлением оскорбление религиозных чувств, если соответствующим действием был причинён существенный вред общественным интересам. То есть в отличие от ст. 148 УК РФ имеет место такой обязательный признак, как наступление предусмотренных законом вредных последствий.

В свою очередь, в Швеции оскорбление религиозных чувств как самостоятельный состав отсутствует – оно включено в ст. 8 ч. 2 гл. 16 УК Швеции, которую можно считать аналогом ст. 282 УК РФ. Так, преступной является агитацию против религиозной, национальной либо этнической группы. Оно может быть совершено путём распространения заявлений, выражающий неуважение к той или иной религии, а также в угрозах в отношении их представителей.

Итальянское уголовное законодательство, как и в Великобритании, изначально защищало только государственную религию – католичество. В числе преступлений было и оскорбление. В конце XX в. сфера действия закона расширилась и включила в себя охрану других религий и верований. К числу административных правонарушений были отнесены такие посягательства на свободу совести и вероисповеданий, как богохульство. В свою очередь, к числу уголовных отнесены те, которые совершаются публично, например, оскорбление религиозного деятеля или символа [Калягина, с. 54].

Среди неевропейских стран, которые в равной степени защищают все религии, можно отметить Израиль, где преобладает иудаизм, хоть он и не оформлен законодательно в качестве государственной религии. Закон об уголовном праве Израиля содержит главу под названием «Оскорбление религиозных чувств и традиций» [Ермакова, с. 74].

То есть в отличие от УК РФ, оскорбление чувств верующих не ограничивается одной нормой, а разделено на несколько составов в зависимости от объекта и тяжести посягательства. Так, ст. 170 названного Закона в качестве оскорбления веры признаёт такие действия, как повреждение, осквернение и/или разрушение священных мест или предметов. В ст. 173, более близкой к ст. 148 УК РФ, идёт речь об оскорблении чувств верующих. Оно может быть совершено путём распространения оскорбительных материалов или устно в публичном. В таких действиях должен содержаться признак грубости.

Нельзя не отметить опыт охраны права на свободу совести и вероисповеданий в странах СНГ (в том числе бывших участников Содружества).

В качестве примеров предлагается привести такие страны, как Украина и Казахстан.

Согласно Уголовному кодексу Украины от 5 апреля 2001 г., преступлением считается умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями (ч. 1 ст. 161) [11]. В этой же норме идёт речь о разжигании вражды и ненависти по расовому и иным признакам. Также в неё входят предоставление привилегий по религиозному и иным признакам. Таким образом, рассматриваемая норма по своему содержанию как бы объединяет ст.ст. 136, 148 и 282 УК РФ. Признак публичности как криминообразующий в ней не указан.

В свою очередь, согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., умышленное оскорбление религиозных чувств граждан является преступлением, если оно было совершено публично, в СМИ, в сети Интернет или посредством распространения литературы или других носителей информации (ст. 174) [12].

Такое оскорбление тесно сопряжено с пропагандой религиозного или иного превосходства и разжиганием розни на этой почве. Получается, что оскорбление чувств верующих по своему содержанию ближе к отечественному уголовному законодательству, так как присутствует признак публичности. Однако структура нормы в целом больше совпадает с УК Украины, так как тоже сочетает в себе экстремизм.

Таким образом, охрана права на свободу совести и вероисповеданий свойственна не только для УК РФ. Общим для России и многих зарубежных стран (прежде всего стран Европы и СНГ) является то, что уголовное законодательство в равной степени защищает права всех религий и конфессий. Однако можно выделить следующие основные различия:

- 1) тенденция зарубежного законодательства – декриминализация отдельных посягательств на свободу совести и вероисповеданий, в частности, на чувства верующих, либо распространение действий таких норм на чувства

атеистов и т.п. То есть расширяется содержание объекта, который не ограничивается только религиозной сферой;

2) оскорбление религиозных чувств верующих редко является самостоятельным составом: вместо этого оно входит в понятие «дискриминация» или в содержание экстремизма;

3) нарушение права на свободу совести и вероисповеданий возможно не только в публичной форме. Так, оскорбление чувств верующих возможно также путём распространения печатных или электронных материалов (книг или других носителей информации).

1.2. ВЛИЯНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Законодательной основой для уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий является закрепление соответствующего права на конституционном уровне, что следует признать закономерным и обоснованным. Согласно ст. 28 Конституции РФ, в содержание указанного права входит возможность исповедовать любую религию, равно как и не исповедовать никакой, а также распространять религиозные убеждения [1].

Приведённое право провозглашается и в других нормативных правовых актах, в частности, в ст. 3 Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») [7]. Таким образом, духовная жизнь и религия признаются единой, важной сферой жизни российского общества и одним из проявлений идеологического разнообразия.

Криминализация посягательств против религиозных общественных отношений в УК РФ во многом повторяет и развивает рассмотренный в предыдущем параграфе зарубежный опыт. Помимо этого, в науке уголовного

права идёт речь о том, что необходимость защиты общественных отношений в духовной сфере сомнений не вызывает.

В современной Российской Федерации, как справедливо отмечает М.А. Бучакова, сложилась такая модель отношений между государством и церковью, где последней предоставлены широкие права. По мнению исследователя, основанном на анализе законодательства, граждане могут создавать и религиозные организации и/или участвовать в таковых, заниматься паломничеством, проводить религиозные обряды, участвовать в богослужениях и т.д. [Бучакова, с. 43].

Так как большая часть перечисленных прав осуществляется коллективно, то деятельность религиозных объединений не может обходиться без регулирования и защиты со стороны государства.

Следует отметить, что наличие законодательных актов, целиком посвящённых или частично затрагивающих религиозную сферу, не является пережитком прошлого и ни в коем случае не говорит об отсталости отечественного законодательства. Ведь, как было отмечено в предыдущем параграфе, в большинстве правовых систем зарубежных государств урегулированы аналогичные вопросы.

Нельзя не отметить и то, что свобода совести и вероисповеданий является неотъемлемым правом человека, которое закреплено на международно-правовом уровне. Так, согласно ст. 18 Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [2].

Можно отметить и аналогичные положения Международного пакта о гражданских и политических правах, подписанного 16 декабря 1966 г. Согласно ч. 1 ст. 18, каждый человек обладает правом на свободу мысли, совести и

религии. Содержание права также включает в себя свободный выбор религии и убеждений, индивидуальную и коллективную формы вероисповеданий, выполнение различных обрядов и учений [3]. Главное отличие, не нашедшее прямого отражения в российском законодательстве, но явно подразумевающееся, – указание на свободу мыслей.

В свою очередь, согласно ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов». То есть нормы международного права во многом восприняты отечественным законодателем [4].

При этом не верно утверждать, что только международно-правовые нормы стали основой уголовно-правовой защиты свободы совести и вероисповеданий. Ведь особую роль в криминализации рассматриваемых преступлений сыграла сама религия, равно как и в формировании и становлении отечественного законодательства, в том числе уголовного. Многие нормативно-правовые акты в истории России были приняты, когда влияние церкви на власть было особенно сильным [Ефимовских, с. 149].

Это в большей степени проявляется на примере Соборного Уложения от 1649 г. В нём было указано, что церковь и вероучение находились под государственной защитой [13]. Что касается уголовно-правовой сферы, то в Соборном Уложении содержалось такое преступление, как богохульство. Оно понималось крайне широко и в общем виде представляло собой оскорбление веры различными способами, например, бранью (так называемое «хуление»). Особо жестоко наказывалась ересь, в связи с чем были выделены новые субъекты уголовного права – «иноверцы».

С тех пор влияние церкви на законодательство, особенно уголовное, существенно снизилось. Тем не менее, подчёркнутая ранее важность

религиозной жизни сохранилась в виде права на свободу совести и вероисповеданий. Именно поэтому современное законодательство наряду с другими объектами защищает свободу совести и вероисповеданий. Так, административное законодательство устанавливает ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповеданий (ст. 5.26 КоАП РФ) [6].

Очевидно, что религиозная сфера – важная для российского государства. Общественные отношения, связанные с религией, не могут игнорироваться законодательством, в том числе уголовным. Об этом же свидетельствует и то, что за последние годы в Российской Федерации активно растёт число зарегистрированных религиозных организаций. Так, согласно статистике, в период за 2010-2019 г. их количество организаций, относящихся лишь к православной церкви, увеличилось с 12,9 тыс. до 18,6 тыс. Аналогичная ситуация имеет место и другими религиями [64].

В свою очередь, в Уголовном кодексе РФ предусмотрен целый ряд преступлений, которые посягают на свободу совести и вероисповеданий, религиозную безопасность общества и на основы светской организации страны [Шибанова, с. 211]. Сразу стоит отметить, что несмотря на достаточно широкий перечень рассматриваемых деяний, в Особенной части УК РФ нет самостоятельной главы или раздела для «религиозных преступлений» [5]. Сами составы расположены в разных разделах и главах УК РФ, т.е. какая-либо системность отсутствует.

Криминализация оскорбления чувств верующих (ч.ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ) в 2013 г. побудила исследователей к систематизации преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповеданий [Осипов, с. 80]. Из анализа норм Особенной части УК РФ исследователи предлагают различать следующие группы преступлений в религиозной и духовной сферах:

- 1) преступления против жизни и здоровья, которые совершаются по мотиву религиозной ненависти или вражды: убийство по мотиву религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение

тяжкого вреда здоровью по аналогичному мотиву (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по аналогичному мотиву (ч. 2 ст. 119 УК РФ) и др.;

2) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина:

– нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (дискриминация) в зависимости от отношения человека к той или иной религии (ст. 136 УК РФ);

– нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ);

3) преступления против семьи и несовершеннолетних: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам религиозной ненависти или вражды (ч. 4 ст. 150 УК РФ);

4) преступления против общественной безопасности:

– хулиганство по мотиву религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ);

– вандализм по аналогичному мотиву (ч. 2 ст. 214 УК РФ);

5) преступления против здоровья населения и общественной нравственности:

– создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением (ч. 1 ст. 239 УК РФ) или участие в его деятельности (ч. 3);

– надругательство над телами умерших и местами их захоронения по мотиву религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ);

б) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства:

– возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам отношения к религии (ст. 282 УК РФ);

– организация экстремистского сообщества для совершения преступлений экстремистской направленности по мотивам религиозной ненависти либо вражды (ст. 282.1 УК РФ);

– организация или участие в деятельности запрещенного экстремистского религиозного объединения (ст. 282.2 УК РФ);

7) преступления против мира и безопасности человечества: геноцид в отношении религиозной группы (ст. 357 УК РФ).

Очевидно, что из-за разбросанности перечисленных составов по УК РФ возникает необходимость выделить признаки для их объединения в более простую и удобную систему. Так, обоснованной видится классификация, предложенная В.Г. Беспалько. В её основу исследователь положил важность объектов уголовно-правовой охраны. Дело в том, что в одних преступлениях отношения в области религии могут быть основным объектом, а в других – дополнительным или факультативным [Беспалько, с. 210].

Первая группа преступлений напрямую посягает на свободу совести и вероисповеданий. Общественные отношения при реализации этого права выступают основным объектом деяний по следующим составам: ст.ст. 136, 148 и 239 УК РФ.

В свою очередь, вторая группа преступлений представляет собой религиозный экстремизм в разных его формах и уровнях. Здесь можно выделить преступления национального и международного уровней. К первым относятся ст.ст. 282, 282.1 и 282.2 УК РФ, а ко вторым – ст. 357 УК РФ. Они посягают не только на религиозную безопасность, которую следует считать дополнительным объектом, но и на национальную и международную безопасность в качестве основного объекта [Беспалько, с. 212].

Наконец, третья группа рассматриваемых преступлений может посягать на самые разные объекты, если само посягательство обусловлено мотивом религиозной ненависти либо вражды. Здесь можно выделить деяния, направленные против конкретного лица (лиц), в частности, убийство или причинение вреда здоровью по указанному мотиву, или направленные против

верующих в целом, т.е. публичной направленности (например, хулиганство). В данном случае религиозные отношения – это факультативный объект преступления.

Таким образом, провозглашая право на свободу совести и вероисповеданий, российское законодательство, следуя как международному законодательству, так и предшествующему историческому опыту, защищает верующих граждан от посягательств различного характера.

В рамках уголовного законодательства наиболее распространённым способом защиты религиозных отношений является указание религиозной ненависти или вражды в качестве мотива многих преступлений против жизни, здоровья, конституционных права граждан и общественного порядка. То есть религиозные отношения защищаются уголовным законом, но в качестве лишь дополнительного объекта [Федотова, с. 20].

Другой способ – закрепление самостоятельных составов, которые защищают прежде всего право на свободу совести и вероисповеданий. То есть духовные и религиозные отношения выступают как основной объект такого рода посягательств. Сюда следует отнести прежде всего ч. 1 ст. 148 УК РФ. Оскорбление религиозных чувств верующих, по своей сути, это возвращение в российское законодательство «богохульства», известное ещё дореволюционному праву.

Тем самым отечественный законодатель, с одной стороны, подчеркнул важность защиты права на свободу вероисповедания, что полностью соответствует Конституции РФ и международному праву. С другой, сам подход вызывает сомнения, ведь в УК РФ нет чётко выраженной группы преступлений против религиозных отношений. Следует признать, что изменения, внесённые в ст. 148 УК РФ, лишь усилили такую бессистемность.

1.3. ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Как было сказано ранее, далеко не все исследователи и общество в целом положительно отнеслись к криминализации оскорбления религиозных чувств верующих в рамках ч. 1 ст. 148 УК РФ. Это вновь вызвало споры о том, насколько целесообразна уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий и как оно соотносится не только со свободой слова, но и с самим правом на свободу вероисповеданий. По этому поводу исследователи высказали различные точки зрения, которые можно условно объединить в несколько подходов.

Одна часть исследователей в области уголовного права (А.С. Меньшиков, А.М. Смирнов) выступает категорически против криминализации оскорбления религиозных чувств верующих в том виде, в каком запрет существует сейчас [Меньшиков, с. 28; Смирнов, с. 907].

Вторая часть исследователей, напротив, выступает не только за сохранение этой нормы, но и за расширение сферы её применения (В.А. Новиков, Д.В. Шилин). Наконец, третья группа исследователей склоняется к тому, что уголовно-правовая охрана религиозных чувств верующих необходима, но в рамках других составов (В.Г. Беспалько, Ю.Е. Федотова). Следует рассмотреть наиболее интересные точки зрения по этому поводу.

Сторонники декриминализации ч.ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ обосновывают свою точку зрения тем, что оно противоречит конституционным принципам и ходу развития законодательства в целом [Бурьянов, с. 18]. В частности, А.С. Меньшиков, считавший невозможным возвращение к уголовной ответственности за богохульство и иные подобные действия, полагает, что новая уголовно-правовая категория «религиозных чувств верующих» крайне неудачна и проблематична с любой точки зрения [Меньшиков, с. 28].

Следует согласиться с тем, что она не может быть чётко определена, ведь категория «чувства», как было сказано ранее, вообще субъективна. Если пытаться выделить признаки и содержание религиозных чувств верующих, то возможно два варианта. При первом они будут рассматриваться с позиций какой-либо одной религии или нескольких конфессий, что сузит сферу применения закона. При втором они будут рассматриваться, напротив, крайне широко. Как следствие, религиозные чувства не будут отграничиваться от представлений и убеждений, которые присущи практически каждому человеку. Очевидно, что оба варианта для практики не подходят: первый ведёт к дискриминации, а второй – к злоупотреблениям.

Другая проблема, которую отмечают противники наличия ч.ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ, выходит за рамки уголовного права. Она заключается в том, что защита религиозных убеждений вступает в противоречие с правом на свободу совести для неверующих, дискриминируя в пользу религиозных людей, и правом на свободу слова для всех [Виткалов, с. 139].

П.В. Бахметьев считает, что свобода слова является первичной по отношению к свободе совести и вероисповеданий. Свобода слова – условие возможности свободы совести, и потому защита последней не может служить обоснованием для ограничения первой [Бахметьев, с. 139].

Поддерживая эту позицию, А.М. Смирнов считает, что ч. 1 ст. 148 УК РФ не просто является нарушением основополагающих правил криминализации деяний, но и сама по себе содержит целый ряд ошибок в части юридической техники. В связи с этим исследователь видит целесообразным рассмотреть вопрос о декриминализации рассматриваемого деяния [Смирнов, с. 909].

Следует также привести позиции, которые высказаны специальными рабочими группами, представляющими международные сообщества. Так, докладчики Совета ООН по правам человека отмечают, что запреты по оскорблению религиозных чувств и иные виды подстрекательства к ненависти, не должны ущемлять другие права, включая право на свободу выражения мнений и религии. Предлагается, что квалификация соответствующих деяний в

качестве уголовно наказуемых должна учитывать, в частности, масштабы высказывания, его форму, вероятность и неизбежность реального причинения вреда и т.п. [66].

В свою очередь, сторонники сохранения рассматриваемой нормы отмечают её недостатки, предлагая устранить их для расширения сферы применения.

Так, В.А. Новиков называет текущую редакцию ч. 1 ст. 148 УК РФ «неудовлетворительной». По его мнению, объект данного преступления нуждается в уточнении, для чего можно обратиться к зарубежному опыту, где оскорблением религиозных чувств являются не только публичные действия, но и распространение письменных материалов. Исследователем предлагается расширить круг уголовно наказуемых действий, дополнив ч. 1 ст. 148 УК РФ ответственностью за «распространение материалов, оскорбляющих религиозные чувства и убеждения верующих лиц» [Новиков, с. 332].

Им же предлагается уточнить признак публичности: по его мнению, его вообще не следовало вводить в состав данного преступления в качестве криминообразующего. Религиозные чувства верующих могут быть оскорблены и непубличными действиями, например, путём распространения соответствующей информации в СМИ или сети «Интернет». Осквернение здания церкви, совершённое в ночное время, также оскорбляет религиозные чувства верующих, но эти действия не могут квалифицироваться по ст. 148 УК РФ из-за отсутствия публичности действий.

Д.В. Шилин, также сторонник наличия ч. 1 ст. 148 в УК РФ, полагает, что ответственность должна наступать за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и оскорбляющие религиозные чувства верующих. По его мнению, несмотря на очевидную неточность текущей редакции нормы, лишь в таком виде она позволяет защитить религиозные отношения от соответствующих посягательств. В этом, как отмечает исследователь, проявляется положительная черта ч. 1 ст. 148 в УК РФ – её превентивный характер, что перевешивает недостатки юридической техники [Шилин, с. 87].

Наконец, следует раскрыть позиции исследователей, которые предлагают защищать чувства верующих, но не в рамках самостоятельного состава. Е.Н. Карабанова, будучи сторонником наличия ч. 1 ст. 148 УК РФ, считает, что другим вариантом при условии декриминализации этой нормы является расширение квалифицирующих признаков хулиганства и вандализма, а именно: указание на место совершения преступлений (церкви, соборы, мечети, синагоги и др.) [Карабанова, с. 65].

Е.С. Хозова считает, что ч. 1 ст. 148 УК РФ должна быть наделена признаками оскорбления (ранее действовавшая ст. 130 УК РФ). Так, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, должны влечь ответственность, если они имеют неприличную форму. Следовательно, «публичные неуважительные высказывания в адрес религиозных догматов не должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 148 УК, если отсутствует неприличная форма» [Хозова, с. 416].

Развёрнутое мнение по вопросу о возможных перспективах ст. 148 УК РФ и преступлений против религиозных отношений высказал В.Г. Беспалько. Прежде всего он говорит о бессистемности расположения оскорбления чувств верующих в Особенной части УК РФ. К этой проблеме он добавляет, что религиозные отношения недостаточно урегулированы и, как следствие, их уголовно-правовая охрана сталкивается с огромным числом проблем. Одна из них – отсутствие понятий, которые составляют объект и другие признаки соответствующих составов.

Поэтому исследователь утверждает, что законодателю следует заимствовать решение данного вопроса по опыту зарубежных стран. Следует дополнить УК РФ главой 25.1 «Преступления против духовной безопасности», куда предлагается включить статьи о преступлениях, совершаемых:

- 1) в отношении культурных ценностей;
- 2) против свободы совести и вероисповеданий, светской организации государства и религиозной безопасности;

3) против свободы творчества и интеллектуальной собственности; и др. [Беспалько, с. 229].

Многие исследователи предлагают не только систематизировать рассматриваемые преступления, но и расширить их перечень следующими путями:

1) внедрить новые квалифицирующие признаки, связанные с принадлежностью человека к той или иной религии, в составы посягательств против личности. Например, совершение убийства в связи с отправлением или под видом отправления религиозного обряда (так называемое ритуальное убийство);

2) дополнить состав клеветы (ст. 128.1 УК РФ) квалифицирующим признаком «по мотивам религиозной ненависти или вражды»;

3) криминализировать насильственное понуждение гражданина к таким действиям, как:

– выражение, изменение религиозных убеждений или вовсе отказ от таковых;

– участие в деятельности религиозного общественного объединения или выходу из него (прекращение участия в нём);

– участие в религиозных обрядах, церемониях и т.д. или отказ от участия в таковых и др. [Ермакова, с. 76].

Ю.Е. Федотова предлагает идти по опыту Китая: религиозные чувства верующих должны защищаться от посягательств не только со стороны граждан, но и государства. По её мнению, текущая редакция ст. 148 УК РФ подлежит немедленному изменению, так как все её законодательные недочёты влекут существенные трудности для правоприменителя. Она предлагает вернуться к прежней редакции ст. 148 УК РФ, но с некоторыми изменениями, а именно: расширить объективную сторону таким деянием, как нарушение положений законодательства об отделении религиозных организаций от государства [Федотова, с. 204]. То есть субъектом последнего может являться должностное лицо.

Таким образом, все рассмотренные точки зрения имеют право на существование. Однако все они не могут быть реализованы в уголовном законодательстве, так как противоречат друг другу. При решении вопроса совершенствовании уголовно-правовой охраны чувств верующих в России следует учитывать все высказанные исследователями аргументами, судебной практикой, а также опытом зарубежных стран.

Нельзя забывать, что Российская Федерация является светским государством, с огромным числом верующих людей, представляющих различные религии. Поэтому развитие современного уголовного закона в направлении повышения эффективности уголовно-правовой охраны сформировавшихся основ светской организации гражданского общества в России и его религиозной безопасности должно осуществляться путём создания грамотных норм УК РФ.

Нормы уголовного закона должны устанавливать противоправность и дифференцированную, справедливую наказуемость всех посягательств на конституционные гарантии свободы совести и другие права граждан, религиозных объединений, интересы общества и государства в духовно-религиозной сфере [Скороходов, с. 62].

Конструирование таких уголовно-правовых норм требует от отечественного законодателя взвешенного подхода, поскольку затрагиваются религиозные и связанные с ними чувства верующих людей и атеистов, с тем, чтобы и дальше право могло содействовать утверждению взаимного понимания, религиозной терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания [Багрян, с. 37].

Думается, что при совершенствовании уголовно-правовой охраны чувств верующих в России следует исходить из того, что ст. 148 УК РФ в текущем виде не может существовать по рассмотренным ранее причинам. Что касается предлагаемых изменений, то они должны учитывать следующее:

1) не следует категорически отказываться от защиты религиозных чувств верующих, равно как и не целесообразно выделять их самостоятельно. Чувства

верующих могут, например, входить в единый объект деяния, которое изначально подразумевает, что такие чувства будут оскорблены (например, вандализм в отношении церкви);

2) необходимо устранить размытость защиты религиозных чувств верующих с хулиганством и экстремизмом;

3) уголовно наказуемыми должны быть исключительно те деяния, которые отличаются повышенной степенью и характером общественной опасности;

4) потенциальная новая редакция или норма, направленная на охрану чувств верующих, должна по возможности избегать или хотя бы минимизировать оценочные признаки и тем более понятия, которые отсутствуют в законе;

5) необходимо устранить бессистемность норм, направленных на охрану религиозных чувств верующих.

Таким образом, можно сделать вывод, что в текущем виде ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ ощутимо расширили пределы уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. С одной стороны, рассмотренные изменения обеспечили полноценную защиту права свободы совести и вероисповеданий.

С другой стороны, из-за неоднозначности и возможности слишком широко толковать такие понятия, как «чувства верующих», в отдельных случаях уголовная ответственность может показаться излишней и даже чрезмерной. Это касается прежде всего случаев, когда какое-либо высказывание или действие с точки зрения одного вероисповедания является приемлемым, а с точки зрения уголовного закона – преступным.

Ещё более проблемным видится соотношение уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий с правом на свободу слова, так как религия и её различные аспекты нередко становятся объектов общественной дискуссии, научных исследований и т.п.

Думается, что уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповеданий должна акцентировать внимание на защите прежде всего от экстремистских проявлений, а не бытовых и даже публичных случаев. На основании этого целесообразным представляется следующее: ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ должны быть объединены в единую норму в следующем виде: «Оскорбление религиозных чувств граждан по мотивам религиозной ненависти или вражды, если оно совершено в местах, которые специально предназначены для религиозных обрядов и церемоний». Соответственно, ч.ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ остаются прежними, но становятся ч.ч. 2 и 3.

В свою очередь, вместо признака «публичности» предлагается использовать другой – место совершения преступления, куда входят перечисленные в ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» места (помимо религиозных зданий сюда включаются кладбища, места паломничества и др.).

Так как действия по оскорблению, совершённые в СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», выводятся из сферы ст. 148 УК РФ, то их предлагается включить в содержание ст. 282 УК РФ.

Что касается оскорбления, то оно должно быть не целью деяния, а самим действием (по аналогии с ранее действовавшей ст. 130 УК РФ), и подразумевать устные высказывания, выступления, оскорбительные действия в неприличной форме, но не повреждение либо уничтожение предметов или имущества (последнее является вандализмом). Следовательно, не будут являться преступными такие высказывания, которые ставят то или иное религиозное учение под сомнение, но в научной или другой приличной форме.

С точки зрения систематизации преступлений против религиозных отношений, предложенная редакция ст. 148 УК РФ выполняет следующую функцию: оно подчёркивает экстремистскую направленность данного деяния и усиливает охрану общественных отношений по нормальному порядку

проведения религиозных обрядов и церемоний в местах, которые специально отведены для этого.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СОСТАВА НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

2.1. ОСНОВНОЙ СОСТАВ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Как было сказано, в 2013 г. перечень преступлений расширился за счёт изменений, внесённых в ст. 148 УК РФ – была введена уголовная ответственность за оскорбление чувств верующих. Согласно ч. 1, преступными являются публичные действия, которые выражают явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих. В ч. 2 установлен квалифицирующий признак, а именно – совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Следует подробнее рассмотреть объективные и субъективные признаки ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Следует начать с того, что ст. 148 УК РФ включает в себя два самостоятельных преступления, каждое из которых посягает на религиозные отношения. К первому относится приведённое выше публичное оскорбление чувств верующих. Ко второму относится незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний [Дуюнов, с. 539].

Одним из спорных аспектов рассматриваемого состава является вопрос об объекте и предмете преступного посягательства. По этому поводу в науке уголовного права было высказано множество точек зрения. Следует привести некоторые из них.

По мнению В.Г. Беспалько, религиозные отношения в их разнообразных проявлениях, в том числе и через призму религиозной безопасности на всех её обозначенных уровнях, выступают основным непосредственным объектом

преступных деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, а также ст.ст. 136 и 239 УК РФ [Беспалько, с. 214].

В свою очередь, А.М. Смирнов полагает, что именно религиозные чувства верующих являются объектом данного преступления. С одной стороны, УК РФ действительно защищает религиозные чувства от тех опасных посягательств, которые на самом деле могут причинить им ощутимый вред. Следует согласиться с тем, что такие посягательства объективны, они существуют в окружающей действительности и, несомненно, угрожают общественным отношениям в религиозной области [Смирнов, с. 908].

С другой, как верно отмечается исследователем, чувства являются частью эмоциональной природы человека наряду с переживаниями, эмоциями и др. Чувства выражают переживания человек относительно того, что происходит вокруг в него, в том числе реакции на поступки других людей. При этом сама человеческая природа подразумевает, что чувства проявляются не сами по себе, а в совокупности с теми идеями, мотивами, принципами, предпочтениями, которые характерны для каждой отдельной личности. Иными словами, подчёркивается сугубо субъективный характер любых чувств, в том числе религиозных. Очевидно, что разные люди могут совершенно по-разному вплоть до противоположного воспринимать, например, высказывания и поступки других людей.

Например, по одному уголовному делу стороной, подавшей апелляционную жалобу за отказ признать в качестве потерпевших, автором жалобы указано, что её религиозные чувства были задеты и оскорблены тем, что она увидела фотографию умерщвлённого кота, который был распят с использованием религиозной атрибутики [56].

Другой пример: по делу об административном нарушении по поводу незаконного отказа в проведении публичного мероприятия должностное лицо, вынесшее неправомерное решение, в качестве обоснования указало то, что проведение митинга в культурном комплексе может оскорбить чувства верующих. Суд подобный аргумент не принял [61].

Из-за того, что религиозные чувства верующих, равно как и любые другие, носят исключительно субъективный характер, многие исследователи считают, что в ст. 148 УК РФ отсутствует предмет преступления. А.И. Гончаренко исходит из того, что наряду с этим предмет не указан самим законодателем, следовательно, никакого значения для квалификации деяния он не имеет [Гончаренко, с. 33].

Достаточно схожая точка зрения высказана А.А. Бимбиновым и В.Н. Ворониным. Они обращают внимание на то, что чувства ни коим образом не могут выступать предметом уголовно-правовой охраны в связи с тем, что общественные отношения имеют универсальный и объективный характер, а чувства человека по своей природе изменчивы и всегда наполнены только субъективизмом [Бимбинов, Воронин, с. 112].

Д.В. Шилин объединяет родовый и видовой объекты рассматриваемого преступления: ими являются конституционные права и свободы личности. В свою очередь, непосредственный объект, по мнению исследователя, – право на свободу совести и вероисповеданий. Также он отмечает, что не могут быть предметом уголовно-правовой охраны чувства и взгляды, основанные на радикальном религиозном экстремизме [Шилин, с. 81].

Следует привести позицию В.А. Новикова. По его мнению, оскорбление религиозных чувств верующих посягает на свободу совести и вероисповедания, но не напрямую, а опосредованно [Новиков, с. 330]. Действительно, ведь оскорбление само по себе не препятствует гражданину быть приверженцем своей религии, не лишает его доступа к религиозным обрядам и сооружениям. Однако публичность оскорблений имеет явные признаки хулиганства (ст. 213 УК РФ), а именно – демонстрация виновным лицом своего явного неуважения к той части общества, которая участвует в религиозных отношениях.

На основании этого исследователь приходит к выводу, что объект ч. 1 ст. 148 УК РФ – это не религиозные права человека, а общественный порядок, который предполагает помимо прочего уважительное отношение к религиозным

чувствам верующих, местам проведения богослужений, религиозных обрядов и церемоний.

Таким образом, следует согласиться с теми исследователями, которые критикуют рассмотрение религиозных чувств верующих и права на свободу вероисповедания в качестве объекта ч. 1 ст. 148 УК РФ. Ведь объектом, согласно преобладающей в науке уголовного права теории, являются общественные отношения [Дуюнов, с. 180].

Поэтому правильнее считать, что непосредственным объектом в данном случае являются религиозные отношения, в которых не только принимают участие верующие, но и задействованы специальные сооружения, предметы. Такие отношения, как правило, носят специальные формы – религиозные обряды, богослужения и т.п.

Не менее спорной является определение признаков объективной стороны рассматриваемого состава. В общем виде она сводится к тому, что виновное лицо совершает те публичные действия, которые оскорбляют религиозные чувства верующих и выражают явное неуважение к обществу.

Для расшифровки признаков объективной стороны необходимо обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ. Так как «явное неуважение к обществу» является одним из признаков хулиганства, то для понимания признаков ст. 148 УК РФ следует обратиться к Постановлению Пленума ВС РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений». Явное неуважение к обществу – это умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованных желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним (абз. 2 п. 1) [54].

Многие исследователи говорят о частичном совпадении признаков хулиганства и оскорбления чувств верующих. Так, В.А. Новиков считает, что объективная сторона данного преступления схожа с хулиганством, если оно совершается по религиозному мотиву [Новиков, с. 330].

Действительно, ведь по ч. 1 ст. 213 УК РФ квалифицируется грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу и совершённое по мотиву религиозной ненависти или вражды. Так как объективные признаки в приведённых составах существенно не отличаются, разграничение проводится по субъективным признакам – мотиву и цели преступления.

Другой, не менее важный признак объективной стороны, состоит в характеристике оскорбительных действий, которые должны совершаться публично. Как и в случае с явным неуважением к обществу, диспозиция ст. 148 УК РФ не даёт разъяснений и уточнений по поводу признака публичности. Из-за этого в содержание рассматриваемого состава можно включить действия, которые охватываются другими похожими преступлениями. В частности, вандализм (ст. 214 УК РФ), если он был совершён из-за религиозной ненависти или вражды (ч. 2). Вандализм может носить открытый, публичный характер, когда были осквернены церкви или другие религиозные сооружения.

Признак публичности также требует разъяснения. А.И. Гончаренко считает, что публичность складывается из следующих трёх элементов [Гончаренко, с. 31]:

- 1) противоправное деяние, оскорбляющее религиозные чувства, должны быть совершены в общественных местах, т.е. там, где могут массово собираться люди, чтобы отдыхать, трудиться и иным образом проводить время. Круг таких мест крайне широк и разнообразен: в него входят очевидные места (улицы, парки, спортивные стадионы, общественный транспорт, торговые центры, вокзалы, аэропорты и т.д. Главное, чтобы в этих местах было возможно нахождение большого числа человек. Следует отметить, что само по себе наличие такого места ещё не говорит о преступности деяния, ведь возможна ситуация, при которой в общественном месте людей нет. Например, парк в ночное время, образовательная организация на период летних каникул и т.п. Следовательно, рассмотренный признак ещё недостаточен для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 148 УК РФ;

2) публичность означает, что то или иное действие было совершено тогда, когда его непосредственными свидетелями могли стать посторонние лица. Как правило, для наличия признака публичности требуется два или более человека. Соответственно, о публичности однозначно свидетельствуют те деяния, которые совершены, например, на каких-либо собраниях, митингах либо демонстрациях. Сюда же следует отнести другие массовые мероприятия, среди которых музыкальные концерты, фестивали и, само собой, массовые богослужения и иные религиозные обряды;

3) о публичности говорит и то, что информация, в которой содержится оскорбление, в силу места и людности обстановки становится доступной для других лиц, в том числе массовой аудитории. При этом признак «публичности» может присутствовать и без общественного места и непосредственного присутствия посторонних. Это касается в первую очередь применения технологий, которые позволяют довести информацию до широкого круга лиц. Это, например, телевидение, радио, сеть «Интернет» и другие ИТС. Сюда же следует отнести распространение листовок, плакатов и обращений таким образом, что они станут доступны для всеобщего обозрения. Это же касается размещения соответствующей информации на интернет-сайтах, форумах, социальных сетях, в интернет-рассылке и др.

Применительно к последнему признаку публичности нужно отметить, что если оскорбительная информация размещается публично, то ни число просмотров, ни число человек, которые в итоге ознакомились с соответствующим материалом, на уголовно-правовую оценку содеянного не влияет [Сичкаренко, с. 23].

Исходя из рассмотренных признаков можно прийти к выводу, что способы совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, крайне разнообразны. В отличие от некоторых зарубежных аналогов оскорбление религиозных чувств верующих возможно как устно, так и письменно; через СМИ, сеть Интернет и др.

Общим для всех способов является то, что они, как и ст. 282 УК РФ, влекут к тому, что оскорбление, которое было доведено до других лиц, может возбудить у последних чувство ненависти или вражды, в том числе длительное. Опасность таких действий заключается в том, что их результатом может стать рост нетерпимости и враждебности представителей одной религии к представителям другой.

Пример из судебной практики. К. и Ш., которые пренебрежительно относились к православной вере, решили оскорбить чувства верующих. Они изготовили чучело в форме человека и разместили его у православного креста, расположенного у автодороги. Чучело было установлено в виде распятия: рукава были прикручены к деревянному кресту. Кроме того, К. и Ш. разместили на чучеле маску клоуна и шапку. Суд признал, что автодорога является публичным местом [60].

Содержание и формы оскорблений такие же разнообразные, как и приведённые способы их распространения. Так, оно может быть осуществлено устно в виде непристойных, явно грубых высказываний. Также оно может быть выражено в виде рисунков, текстов, видеороликов, фильмов, песен и т.д., которые адресуются представителям той или иной религии. Специфическим способом совершения данного преступления может быть совершение действий, богохульных по своей сути. Например, организация кощунственных мероприятий, акций и зрелищ [Питулько, с. 258].

Отдельные авторы рассматривают содержание оскорблений широко, относя к ним такие действия, как повреждение и разрушение церквей, храмов, мечетей и др., а также спиливание крестов [Карабанова, с. 63]. Думается, что перечисленные действия следует относить к другим составам при наличии тех или признаков, например, вандализму, возбуждение ненависти или вражды. Более вероятным представляется вариант, что указанные действия, если они были совершены публично, надлежит квалифицировать по части 2 ст. 148 УК РФ.

Другие признаки объективной стороны: последствия, время, способ, орудия, средства совершения преступления на квалификацию не влияют. Однако они могут быть учтены судом при назначении наказания, а потому тоже подлежат установлению [Смирнов, с. 910].

Оскорбление религиозных чувств верующих является формальным составом. Деяние считается оконченным, когда материалы оскорбительного содержания были распространены или размещены для публичного доступа [Шилин, с. 82]. Это может быть, например, размещение текста в сети Интернет, устное высказывание перед слушателями, размещение рисунка в публичном месте и т.п. Деяние окончено вне зависимости от того, были оскорблены чувства верующих либо нет.

Как и объективные, субъективные признаки ч. 1 ст. 148 УК РФ нуждаются в подробном рассмотрении.

Субъективная сторона рассматриваемого состава выражена в форме прямого умысла. Это значит, что виновный осознаёт совокупность следующих обстоятельств:

1) его действия противоречат нормам и правилам поведения в обществе, выражают явное неуважение к нему;

2) его действия – публичны, т.е. совершаются при посторонних лицах (двух и больше) либо будут доступны массовой аудитории;

3) эти действия оскорбят религиозные чувства верующих, на что виновный и рассчитывает. Оскорбление выступает в качестве цели деяния, при которой виновный рассчитывает донести, продемонстрировать представителям религии то, что он относится к ней пренебрежительно, оскорбительно;

4) виновный хочет, чтобы его действия стали непосредственной причиной оскорбления религиозных чувств верующих [Кузнецов, с. 264].

Ранее было отмечено, что характеризующие оскорбление действия представляют собой одну из форм, которые выражают явное неуважение к обществу. Если учитывать это и то, что оскорбление должно быть публичным и подразумевать религиозную вражду (либо ненависть), то можно сделать вывод,

что рассматриваемый состав – это вид хулиганства, причём уголовного наказуемого.

Обязательным и вызывающим споры среди исследователей элементом субъективной стороны является прямо указанная в диспозиции ч. 1 ст. 144 УК РФ цель – оскорбление религиозных чувств верующих.

По мнению В.А. Новикова, в ст. 148 УК РФ указана специальная цель. Установить её на практике может быть достаточно сложно, равно как и отграничить от хулиганского побуждения. Всё это обуславливает многочисленные правоприменительные трудности [Новиков, с. 331].

Несмотря на это обстоятельство и возможность наступления одинаковых по своему характеру с хулиганством неблагоприятных последствий, всё же, по мнению законодателя, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ, отнесено к категории небольшой тяжести.

С формальной точки зрения подобное может значить, что лицо, которое обвиняется по рассматриваемому преступлению, имеет возможность заявить, что его действия преследовали не цель оскорбления, а донести до определённой аудитории свои идеи, взгляды, особенности мировоззрения. Иными словами, указанная в ч. 1 ст. 148 УК РФ может быть подменена общественно-политическими, чтобы избежать уголовную ответственность как по рассматриваемому преступлению, так и за хулиганство.

Субъективные признаки оскорбления религиозных чувств верующих действительно близки, но не тождественны хулиганству и некоторым другим преступлениям на религиозной почве. В нём, как отмечают некоторые исследователи, сочетаются элементы и хулиганского, и экстремистского мотивов [Осокин, с. 243].

Р.Б. Осокин и В.Г. Кокорев полагают, что преобладающим является последний. Дело в том, что оскорбление религиозных чувств верующих направлено, как правило, против представителей определённой религиозной группы, равно как экстремистские преступления нацелены против конкретной группы лиц по национальному, религиозному или иному признаку. В отличие от

них хулиганство совершается против общества в целом [Осокин, Кокорев, с. 404].

То есть получается, что преступник-хулиган стремится совершить преступление против того, кто не относится к его социальной группе, а преступник-экстремист – против того, кто относится к определённой чужой группе. Кроме того, повод хулиганства, как правило, менее значительный и может возникнуть спонтанно, в то время как для экстремизма свойственно продолжительное чувство ненависти, вражды у виновного лица по отношению к конкретной социальной группе.

По сути, ст. 148 УК РФ содержит ответственность за преступление экстремистской направленности, которое непосредственно не указано в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8]. Тем не менее законодатель определил эту норму как более мягкую разновидность действий, направленных на разжигание ненависти или вражды по признаку отношения к религии, наказуемых согласно ст. 282 УК РФ.

Примером, когда действия, содержавшие оскорбление чувств верующих, были расценены не по ст. 148 УК РФ, является следующее уголовное дело. С. опубликовал в сети «Интернет» для всеобщего доступа текст, посвящённый недостаткам, по мнению С., современного государственного, политического и социального устройства страны. В частности, к тексту прилагалась видеозапись с названием «Рашистская псевдо-духовность РПЦ».

По рассматриваемому уголовному делу была проведена комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза. Согласно данному заключению, цель опубликованных материалов – помимо оскорбления религиозных чувств верующих православных христиан воздействовать на население путём пропаганды того, что разные группы населения страны не способны жить вместе и мирно.

В частности, в исследованном тексте содержались унижительные характеристики отдельных этнических групп (русских, евреев). Также

материалы включали в себя пропаганду исключительности, превосходства по национальному признаку. В итоге суд правильно расценил содеянное С. как возбуждение ненависти либо вражды по признаку национальности, отношения к религии (ч. 1 ст. 282 УК РФ) [59].

Д.В. Шилин утверждает, что в содержание цели оскорбления религиозных чувств верующих могут быть отнесены следующие действия [Шилин, с. 83]:

1) применение таких материалов, которые содержат надругательство над религиозными идеями и традициями. В частности, к подобным материалам могут быть отнесены карикатуры, где изображаются святые или религиозные реликвии либо иные священные предметы;

2) интерпретация религиозных текстов, которая носит безнравственный, циничный характер;

3) иные действия, если они оскорбительны для верующих.

Нужно отметить, что исследователь слишком широко трактует действия, которые могут быть расценены как преступное оскорбление чувств верующих. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что он предлагает расценивать деяние с точки зрения прежде всего объективной стороны, т.е. преступная цель как отдельный элемент состава, по мнению исследователя, не нужна. Действительно, такая цель, по сути, неразрывно связана с оскорбительными действиями.

На основании этого Д.В. Шилин приходит к выводу, что в ч. 1 ст. 148 УК РФ вообще не следует указывать цель, чтобы не сужать сферу действия данной нормы. По его мнению, таким образом в сферу уголовно-правовой охраны таким образом войдут те чувства верующих, которые были оскорблены различными политическими и художественными акциями, выступлениями.

С одной стороны, следует согласиться с тем, что различные общественные акции, которые прикрываются как социально-значимые, действительно могут быть направлены на то, чтобы оскорбить чувства верующих. Даже если само содержание действия ничего антирелигиозного не

предполагает, контекст такого действия может свидетельствовать об обратном. Например, место его совершения.

С другой, при отсутствии признака цели как характеристики субъективной стороны оскорбления религиозных чувств верующих устранит и без того слабовыраженные различия между хулиганством, экстремистскими преступлениями, а также административными правонарушениями. Поэтому с позицией автора следует не согласиться.

Что касается объекта рассматриваемого преступления, то к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 148 УК РФ может быть привлечено физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. При этом не имеет значения, какую религию исповедует это лицо или же является атеистом.

Таким образом, объективные признаки ч. 1 ст. 148 УК РФ являются либо оценочными, либо неоднозначными в силу специфической и не конца урегулированной сферы – религии. Так, объектом оскорбления религиозных чувств верующих являются религиозные отношения, в которых не только принимают участие верующие, но и задействованы специальные сооружения, предметы. Такие отношения, как правило, носят специальные формы – религиозные обряды, богослужения и т.п.

Что касается объективной стороны, то её не следует рассматривать слишком широко. Виновное лицо совершает публичные действия, которые оскорбляют религиозные чувства верующих и выражают явное неуважение к обществу. Они разнообразны по своим формам и видам: публичное выступление с оскорбительным содержанием в церкви; демонстрация непристойных рисунков; организация богохульных акций, выступлений; и т.д.

Субъективные признаки, на первый взгляд, являются схожими с хулиганством и экстремистскими преступлениями. Но они не тождественны: субъективная сторона, которая сводится к цели оскорбления религиозных чувств верующих, сочетает в себе элементы хулиганского и экстремистского мотивов. Однако преступник-хулиган стремится совершить преступление против того,

кто не относится к его социальной группе, а преступник-экстремист – против того, кто относится к определённой чужой группе. То есть субъект по ч. 1 ст. 148 УК РФ не стремится возбудить ненависть или вражду, равно как и не стремится грубо нарушить общественный порядок.

2.2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Помимо закрепления основного состава, в рамках ст. 148 УК РФ предусмотрена дифференциация уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Она предполагает не просто закрепление квалифицирующих признаков оскорбления чувств верующих, а дополнительно содержит фактически самостоятельный состав – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (ч. 3).

Однако сперва предлагается рассмотреть квалифицирующий признак оскорбления чувств верующих – место совершения преступления (ч. 2). Им является место, которое специально предназначено для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. УК РФ не раскрывает перечень таких мест. Из содержания ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» можно прийти к выводу, что к таковым относятся не только культовые здания и сооружения (церкви, костелы, мечети и др.), но и места паломничества, кладбища, крематории и другие места, где проходят религиозные обряды и церемонии.

Как верно отмечает А.М. Климанов, наличие рассматриваемого квалифицирующего признака обусловлено тем, что места для религиозных обрядов и церемоний – особо важны для верующих лиц. Они являются для них культовыми и священными. Следовательно, законодатель верно посчитал, что совершение любых оскорбительных действий гораздо сильнее вредит порядку

отправления религии. Более того, это свидетельствует о повышенном уровне неуважения, циничности и даже дерзости соответствующих действий нарушителя [Климанов, с. 117].

Для данного квалифицирующего признака характерно то, что законодательство, регулирующее религиозные отношения, постепенно расширяет содержание понятия «места религиозных обрядов и церемоний». В частности, сейчас установлено, что они представляют собой как постоянные места (например, религиозные сооружения, кладбища), так и временного характера (в частности, земельные участки, которые временно принадлежат религиозным организациям).

Из современной редакции ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» следует, что лицо может совершить предусмотренное ч. 2 ст. 148 УК РФ преступление в целом ряде мест, которые не ограничиваются культовыми сооружениями и зданиями. Это, как было сказано ранее, прилегающие к таким постройкам территории, равно как и те, что специально предоставлены для религиозных целей. Это и места для паломничества, и кладбища, и крематории. Кроме того, отдельные жилые помещения также могут использоваться для религиозных целей в установленном законом порядке.

Следует отметить, что характер религиозных отношений может требовать отправления религии и вне пределов специальных мест. Это касается, например, случаев, когда человек не может из-за своего здоровья посетить церковь. Поэтому закон справедливо допускает, что религиозные обряды могут проводиться в различных медицинских учреждениях.

Сюда же следует отнести случаи, когда правовое положение лица ограничивает его какой-либо территорией, например, осуждённые. Соответственно, учреждения УИС, где отбывается лишение свободы, тоже входит в число мест, предусмотренных ч. 2 ст. 148 УК РФ. Этот перечень можно продолжить, указав детские дома, дома для инвалидов и престарелых, образовательные организации.

Ещё одна разновидность мест, где могут проводиться религиозные церемонии и обряды, это публичные места для массового скопления граждан. Сюда нужно отнести те места, где религиозные действия могут совершаться в форме, внешне схожей с митингами, шествиями и демонстрациями. Поэтому, чтобы названные случаи подходили под действие ч. 2 ст. 148 УК РФ, необходимо, чтобы проведение подобных массовых религиозных церемоний и обрядов осуществлялось по правилам, предусмотренным федеральным законодательством о митингах и др. В противном случае рассматриваемый квалифицирующий признак будет отсутствовать.

Анализ данного квалифицирующего признака показывает, что отечественный законодатель продолжает усиливать уголовно-правовую охрану права на свободу совести и вероисповедания. Так, в 2014 г. ФЗ от 22 октября 2014 г. № 316-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях"» уточнил понятие места, предназначенного для религиозных обрядом и церемоний. Нужно подчеркнуть, что указанные правки последователи спустя непродолжительное время после того, как были внесены изменения в ст. 148 УК РФ.

В частности, было уточнено, что не требуется разрешения и уведомления региональных исполнительных органов власти, чтобы провести религиозные церемонии или обряды на земельных участках, которые принадлежат религиозной организации (как на праве собственности, так и на иных основаниях) [10].

Пример из судебной практики. А. испытывал неприязнь к православной религии и к тем, кто исповедовал её. Из-за этого у него возник умысел на размещение на дверях местной церкви листов, которые были вырезаны из религиозных книг. На листах содержались надписи в отношении Иисуса Христа и Богородицы. Суд признал, что действия А. оскорбляют религиозные чувства верующих, и квалифицировал его действия по ч. 2 ст. 148 УК РФ [58].

Следует перейти к рассмотрению ч. 3 ст. 148 УК РФ – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению

богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Так как данная норма, по сути, самостоятельное деяние, то она предполагает специфические черты объективной стороны.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит в том, что деяние может быть совершено в следующих формах:

1) незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций;

2) незаконное воспрепятствование проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний [Коняхин, с. 469].

Согласно ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», граждане могут создавать религиозные объединения в различных формах, а именно – религиозных групп или религиозных организаций. Под последней понимается объединение лиц (не только граждан России, но и других лиц, если они постоянно и законно живут на территории страны), которое было образовано для того, чтобы совместно распространять и исповедовать веру. Юридический признак религиозной организации – её регистрация в качестве юридического лица.

Будучи полноценным субъектом права, религиозные организации, равно как и группы, обладают целым рядом прав, значительная часть которых отражает специфику религиозной жизни. Так, они вправе:

1) осуществлять вероисповедание;

2) заниматься богослужениями, другими религиозными обрядами и церемониями;

3) обучать религии и заниматься религиозным воспитанием своих последователей;

4) основывать и содержать культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества);

5) другие права, предусмотренные действующим законодательством [Осавелюк, с. 82].

Поэтому вмешательство в перечисленные права составляет содержание рассматриваемого деяние. Так, в качестве незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организации предлагается понимать любое противодействие законному осуществлению религиозной организацией своих уставных целей (задач), которые связаны с исповеданием и распространением веры.

Соответственно, в содержание такого вмешательства входят, например, противодействие проведению богослужения в церкви, воспрепятствование законному основанию культовых зданий и т.д.

Следует отметить, что воспрепятствование религиозным организациям шире предусмотренного в ч. 3 ст. 148 УК РФ. В частности, возможны случаи, когда религиозным организациям незаконно отказали в регистрации, либо им отказали в выдачи учредительных документов. Эти и другие подобные действия, которые не направлены непосредственно против религиозных отношений, а связанных с ними организационных, квалифицируются по ст.ст. 285 или 286 УК РФ (если имеют место соответствующие признаки).

Применительно к отдельным проявлениям свободы совести и вероисповеданий незаконное воспрепятствование может проявляться по-разному. Так, воспрепятствование богослужениям может заключаться в том, что религиозные организации лишаются или ограничиваются в праве осуществлять религиозные обряды и церемонии.

При этом в качестве потерпевшего могут выступать как отдельные верующие, так и религиозные группы. Примером воспрепятствования осуществления права на свободу совести и вероисповедания следует считать случаи, когда отдельному лицу мешают совершить крещение или венчание в церкви.

Воспрепятствование может быть совершено различными способами, в том числе и насильственными. Например, применение силы, угроз, шантажа и т.п. Кроме того, оно возможно путём уничтожения или повреждения имущества. Наконец, рассматриваемое преступление может быть совершено посредством

издания приказа или распоряжения, которое ограничивает или лишает религиозные организации законных прав в сфере осуществления религии [Коняхин, с. 472].

Состав воспрепятствования является формальным – оно окончено в момент совершения соответствующего деяния.

Наконец, в ч. 4 ст. 148 УК РФ предусмотрены два квалифицирующих признака, которые относятся к незаконному воспрепятствованию деятельности религиозных организаций, но не к оскорблению чувств верующих. Квалифицирующие признаки следующие:

- 1) совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения;
- 2) применение насилия или с угрозы его применения.

Если при насильственном воспрепятствовании деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов и церемоний лицо умышленно причиняет средней тяжести или тяжкий вред здоровью (ст.ст. 111, 112 УК РФ), угрожает убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, содеянное квалифицируется как совокупность преступлений.

Воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов и церемоний, совершённое с применением насилия или с угрозой его применения должностным лицом, квалифицируется по совокупности ч. 4 ст. 148 и ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий проявляется в том, что помимо основного состава (ч. 1 ст. 148 УК РФ) предусмотрено, по сути, самостоятельное преступление – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций (ч. 3), для которого характерны свои признаки, касающиеся в первую очередь объективной стороны. Кроме того, для каждого из приведённых составов законодатель устанавливает квалифицирующие признаки. Получается, что уголовное законодательство не просто

предусматривает разные случаи нарушения права на свободу совести и вероисповедания, но и различает степень их общественной опасности.

2.3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

С момента принятия новой редакции ст. 148 УК РФ немногочисленная судебная практика уже успела вызвать как среди правоприменителей, так и среди теоретиков многочисленные споры. Как правило, проблемы уголовно-правовой оценки рассматриваемого преступления вызваны законодательным несовершенством нормы. По мнению Ю.Е. Федотовой, из-за недавних изменений в УК РФ какие-либо исследования по данному вопросу отсутствуют, а нераскрытые оценочные категории влекут за собой практически полное отсутствие единой правоприменительной практики [Федотова, с. 199].

Аналогичного мнения придерживается В.А. Новиков. Исследователь полагает, что ст. 148 УК РФ «перегружена» оценочными признаками [Новиков, с. 331].

Следует согласиться с приведённым мнением. Действительно, к оценочным можно отнести те, что разъяснены не в законе, а в толкованиях ВС РФ: «публичные действия» и «явное неуважение к обществу». Некоторые признаки вовсе ни в законе, ни судом не раскрыты: «верующие», «религиозные чувства верующих», «места, специально предназначенные для проведения богослужений» и «другие религиозные обряды и церемонии». Положения ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» только называют, но не раскрывают перечисленные понятия.

Поэтому исследователь обоснованно сомневается в том, можно ли считать таким религиозным местом морг, где проводится обряд отпевания покойника; кладбище; зал, арендованный на длительное время для религиозных мероприятий и т.п.

Не менее серьёзная проблема касается рассмотренного ранее признака публичности. Несмотря на выделенные критерии, на практике возникает множество неоднозначных ситуаций, которые вновь поднимают вопрос о необходимости закрепить понятия «общественное место» и «публичность». Проблема усугубляется тем, что признак публичности может пониматься совершенно по-разному в зависимости от отрасли права.

Верховный Суд РФ по этому указал, что «под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения ... Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учётом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в ИТС общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.)» [55].

Ю.Е. Федотова предлагает уточнить критерий публичности применительно к оскорблению религиозных чувств верующих. Она считает, что рассматриваемый признак имеет место, когда совершаемые лицом действия могут стать доступными для верующих (как минимум двух) из числа неопределённого круга лиц. Напротив, если круг лиц, в отношении или при которых совершается оскорбление, ограничен и конкретен для виновного, то публичность отсутствует [Федотова, с. 200].

Таким образом, о публичности свидетельствует то, что субъект преступления стремится к тому, что совершить оскорбительные действия среди публики, где находятся верующие лица, о чём он знает или обоснованно полагает.

Поэтому видится правильным решение по следующему уголовному делу: С., будучи военным служащим, решил уничтожить свой натальный крестик. С.

начал уничтожать его в обособленном помещении, где находился один сослуживец. Действия С. были увидены свидетелем, который подглядывал за ним. Суд оправдал С. по обвинению в преступлении, так как не было установлено, что С. имел умысел на публичное оскорбление, и что он знал о том, что свидетель был верующим [57].

Наличие цели в виде оскорбления религиозных чувств верующих означает, что при уголовно-правовой оценке содеянного требуется установить следующее: является ли содеянное оскорблением или нет; что именно следует понимать под религиозными чувствами; кого надлежит признавать в качестве верующего; если деяние оскорбило чувства верующих, то было ли именно это целью лица; и др.

Ни уголовный закон, ни религиозное законодательство, ни правоприменительная практика так и не дали конкретных ответов на все поставленные вопросы. Как следствие, толкование положений закона требует обращения к внеправовым положениям таких наук, как философия, социология, религиоведение и др.

Следует начать с понятия «религиозные чувства». Под ними предлагается понимать мировоззренческую систему, которая включает в себя жизненные цели, принципы, ценности, запреты и другие элементы, содержание которых обусловлено той или иной религией. Значит, чтобы иметь религиозные чувства, человек должен соблюдать эти правила и, как следствие, осознавать себя сопричастным к религии [Худиев].

Закономерно возникает вопрос: ст. 148 УК РФ защищает чувства всех без исключения верующих лиц или только тех, кто придерживаются мировых религий (т.е. все течения христианства, ислама и буддизма)? Думается, что решающую роль при ответе на этот вопрос должен играть ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», который регулирует формы объединений граждан по религиозному признаку (гл. 2): они могут существовать в форме объединений (ст. 6), групп (ст. 7) и организаций (ст. 8). Не следует забывать и

про нормы международного права, которые направлены на защиту чувств верующих в целом.

Следует отметить, что в силу динамичности религиозных отношений составление полного списка всех религий видится невозможным и нецелесообразным. Вместо этого требуется выработать универсальный критерий, который позволит говорить о наличии либо об отсутствии у человека религиозных чувств. Думается, что религиозные чувства могут быть только у того человека, который является последователем какого-либо религиозного учения. УК РФ должен защищать только те учения, которые существуют в виде религиозной организации или группы.

Другой спорный вопрос, который следует из рассмотренного, – это понятие «верующий». По сути, ст. 148 УК РФ закрепляет новый вид потерпевшего лица, который является несовершеннолетним не только с точки зрения юридической техники, но и с точки зрения законности. Дело в том, что здесь можно уследить дискриминацию, ведь права иных лиц этой нормой не охраняются. Это подтверждается п. 4 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которому недопустимо умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии.

Из положений ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» можно сделать вывод, что закон защищает чувства не только верующих, но и атеистов и агностиков. Последние также имеют чувства, обусловленные неприятием религии либо идеей о том, что познать существование или отсутствие Бога невозможно.

Из этого следует, что понятие «верующий» применительно к ст. 148 УК РФ целесообразно понимать в следующих взаимосвязанных аспектах:

- во-первых, верующие – это лица, которые признают существование Бога (при этом не имеет значения, в каком именно виде);
- во-вторых, верующие – это лица, которые не просто признают Бога, но и живут по правилам соответствующей религии [Пряхина, с. 57].

Очевидно, что и в таком виде понятие «верующий» может создавать простор для слишком широкого толкования и, как следствия, злоупотребления. Думается, что оптимальным подходом для правоприменителей будет понимать под «верующими» тех, кто живёт, во-первых, живёт по правилам конкретной религии и, во-вторых, исповедует религию, которая существует и признана на территории Российской Федерации в установленном законом порядке (т.е. существует в виде религиозной организации или группы). Сюда же следует отнести иностранные религиозные организации, которые в России не запрещены. Соответственно, признание Бога само по себе, но без следования правилам религии, в понятие «верующий» не входит (разумеется, речь не идёт о следовании всем без исключений правилам).

Спорный признак, касающийся действий виновного, – оскорбление. Ранее уголовное законодательство применяло этот термин в рамках ст. 130 УК РФ, которая так и именовалась – «Оскорбление». Под уголовно наказуемым оскорблением было принято понимать такое унижение чести и достоинства, которое было выражено в неприличной форме. Иными словами, одно лицо давало отрицательную оценку личности другого лица.

Уже здесь возникли проблемы, которые свойственны правовому регулированию охраны от оскорблений, а именно – наличие оценочных понятий и признаков. В данном случае это «неприличная форма». Под ней наука уголовного права в общем виде предлагала понимать способ и манеру общения, которые являлись циничными, противоречащими правилам и нормам, принятым в обществе [Зайкина, с. 560].

На основании этого можно определить оскорбление религиозных чувств верующих следующими образом: «отрицательная оценка религиозного учения в неприличной, циничной, унижительной форме». В частности, с применением особо грубых или бранных слов.

В любом случае правоприменители должны уделять пристальное внимание характеристикам оскорбления: форме и содержанию. Потому что, как показывает практика, религиозные чувства человека могут быть задеты и

оскорблены даже приличными действиями, например, простое отрицание религии. Поэтому нужно отличать от оскорблений простые мнения, который выражают скептическое отношение к институту религии, которые выражены в приличной форме, т.е. без мата, без ненависти и неприязни к религии, равно как и без явного неуважения к обществу. Иными словами, без цели оскорбления. Такие действия, очевидно, под действие ч. 1 ст. 148 УК РФ не должны подпадать, ведь диспозиция нормы требует одновременного наличия признака явного неуважения к обществу и оскорбления религиозных чувств верующих.

Наконец, следует рассмотреть ещё одну правоприменительную проблему – установление цели оскорбления. Из теории уголовного права известно, что целью является тот фактический результат, к которому стремится субъект преступления, совершая деяние. Так как цель, по сути, существует лишь в сознании субъекта, для её установления требуется устанавливать внешние проявления, направленные на достижения цели.

Представляется, что однозначно о цели оскорбления можно говорить, если деяние было совершено в месте отправления религиозных обрядов, что само по себе противоречит общепринятым там традициям, правилам поведения, но при условии, что деяние явно неуважительно, агрессивно либо цинично. То есть сочетание содержания действий и места однозначно свидетельствует о цели оскорбления.

Несмотря на то, что для ч. 1 ст. 148 УК РФ характерно наличие целого ряда специфических признаков, на практике оскорбление религиозных чувств верующих бывает трудно разграничить с другими деяниями, например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства». То же самое относится и к хулиганству (ст. 213 УК РФ). Как было сказано ранее, при совпадении объективных признаков следует проводить разграничение по субъективным признакам.

Т.Е. Иванова полагает, что почти все случаи оскорбления религиозных чувств верующих охватываются ст. 282 УК РФ из-за того, что законодатель ввёл практически идентичную статью, но сузив её религиозной сферой [Иванова, с.

35]. Единственное исключение, когда ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ могут быть применены самостоятельно, – совершение соответствующих действий не по мотивам ненависти или вражды и без стремления возбудить такие мотивы в других людях либо унижить их достоинство. В противном случае деяние подлежит квалификации по п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 280 и/или ст. 282 УК РФ.

Таким образом, при квалификации преступлений, которые содержат признаки оскорбления религиозных чувств верующих, предлагается руководствоваться следующим:

1) чтобы считать деяние совершённым публично, необходимо, чтобы оно было совершено в месте, где действия виновного могут быть восприняты верующими из неопределённого круга лиц;

2) религиозные чувства гораздо шире и сложнее, чем отдельные религиозные убеждения и установки, так как речь идёт о мировоззрении, системе ценностей, принципов, взглядов, запретов и дозволений. Чтобы считаться верующим, человек должен придерживаться их и на основании этого считать себя представителем религиозного учения, т.е. быть сопричастным;

3) под религиозными учениями предлагается понимать только те, которые имеют последователей, объединённых в форме религиозной организации или группы в соответствии с законодательством;

4) оскорблением следует считать негативную оценку не верующего лица, а религиозного учения. Оно может заключаться в унижениях или иной неприличной, грубой форме;

5) для разграничения ст. 148 УК РФ от хулиганства и экстремизма следует оценивать субъективные признаки: если хулиганский или экстремистский мотив отсутствует, то имеет место оскорбление религиозных чувств верующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведённого исследования уголовно-правовой характеристики нарушения права на свободу совести и вероисповеданий можно сделать следующие выводы:

Охрана права на свободу совести и вероисповеданий свойственна не только для УК РФ. Общим для России и многих зарубежных стран (прежде всего стран Европы и СНГ) является то, что уголовное законодательство в равной степени защищает права всех религий и конфессий. Однако можно выделить следующие основные различия:

1) тенденция зарубежного законодательства – декриминализация отдельных посягательств на свободу совести и вероисповеданий, в частности, на чувства верующих, либо распространение действий таких норм на чувства атеистов и т.п. То есть расширяется содержание объекта, который не ограничивается только религиозной сферой;

2) оскорбление религиозных чувств верующих редко является самостоятельным составом: вместо этого оно входит в понятие «дискриминация» или в содержание экстремизма;

3) нарушение права на свободу совести и вероисповеданий возможно не только в публичной форме. Так, оскорбление чувств верующих возможно также путём распространения печатных или электронных материалов (книг или других носителей информации).

Провозглашая право на свободу совести и вероисповеданий, российское законодательство, следуя как международному законодательству, так и предшествующему историческому опыту, защищает верующих граждан от посягательств различного характера. В рамках уголовного законодательства наиболее распространённым способом защиты религиозных отношений является указание религиозной ненависти или вражды в качестве мотива многих преступлений против жизни, здоровья, конституционных права граждан и

общественного порядка. То есть религиозные отношения защищаются, но в качестве дополнительного объекта.

Другой способ – закрепление самостоятельных составов, которые защищают прежде всего право на свободу совести и вероисповеданий. То есть духовные и религиозные отношения выступают как основной объект такого рода посягательств. Сюда следует отнести прежде всего ч. 1 ст. 148 УК РФ. Оскорбление религиозных чувств верующих, по своей сути, это возвращение в российское законодательство «богохульства», известное ещё дореволюционному праву. Этим законодатель, с одной стороны, подчеркнул важность защиты права на свободу вероисповедания, что полностью соответствует Конституции РФ и международному праву. С другой стороны, сам подход вызывает сомнения, ведь в УК РФ нет чётко выраженной группы преступлений против религиозных отношений. Изменения в ст. 148 УК РФ лишь усилили такую бессистемность.

Современные правоприменители, сталкивающиеся с посягательствами на свободу совести и вероисповеданий, как правило, обращаются к ст. 148 УК РФ. В рамках этой нормы можно выделить основные составы (ч. 1, ч. 3) и квалифицированные (ч. 2, ч. 4).

Объективные признаки основного состава (ч. 1 ст. 148 УК РФ) являются либо оценочными, либо неоднозначными в силу специфической и не конца урегулированной сферы – религии. Так, объектом оскорбления религиозных чувств верующих являются религиозные отношения, в которых не только принимают участие верующие, но и задействованы специальные сооружения, предметы. Такие отношения, как правило, носят специальные формы – религиозные обряды, богослужения и т.п.

Что касается объективной стороны основного состава, то её не следует рассматривать слишком широко. Виновное лицо совершает публичные действия, которые оскорбляют религиозные чувства верующих и выражают явное неуважение к обществу. Они разнообразны по своим формам и видам: публичное выступление с оскорбительным содержанием в церкви; демонстрация

непристойных рисунков; организация богохульных представлений, акций, выступлений; и т.д.

Субъективные признаки, на первый взгляд, являются схожими с хулиганством и экстремистскими преступлениями. Но они не тождественны: субъективная сторона, которая сводится к цели оскорбления религиозных чувств верующих, сочетает в себе элементы хулиганского и экстремистского мотивов. Однако преступник-хулиган стремится совершить преступление против того, кто не относится к его социальной группе, а преступник-экстремист – против того, кто относится к определённой чужой группе. То есть субъект по ч. 1 ст. 148 УК РФ не стремится возбудить ненависть или вражду, равно как и не стремится грубо нарушить общественный порядок.

Дифференциация уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий проявляется в том, что помимо основного состава (ч. 1 ст. 148 УК РФ) предусмотрено, по сути, самостоятельное преступление – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций (ч. 3). Кроме того, для каждого из приведённых составов законодатель устанавливает квалифицирующие признаки. Получается, что уголовное законодательство не просто предусматривает разные случаи нарушения права на свободу совести и вероисповедания, но и различает степень их общественной опасности.

Применение ст. 148 УК РФ на практике вызывает целый ряд проблем, особенно ч.ч. 1 и 2. При квалификации преступлений, которые содержат признаки оскорбления религиозных чувств верующих, предлагаются следующие правоприменительные рекомендации:

1) чтобы считать деяние совершённым публично, необходимо, чтобы оно было совершено в месте, где действия виновного могут быть восприняты верующими из неопределённого круга лиц;

2) религиозные чувства гораздо шире и сложнее, чем отдельные религиозные убеждения и установки, так как речь идёт о мировоззрении, системе ценностей, принципов, взглядов, запретов и дозволений. Чтобы считаться

верующим, человек должен придерживаться их и на основании этого считать себя представителем религиозного учения, т.е. быть сопричастным к нему, а не просто обозначать себя в качестве верующего;

3) под религиозными учениями предлагается понимать только те, которые имеют последователей, объединённых в форме религиозной организации или группы в соответствии с законодательством;

4) оскорблением следует считать негативную оценку не верующего лица, а религиозного учения. Оно может заключаться в унижениях или иной неприличной, грубой форме;

5) для разграничения ст. 148 УК РФ от хулиганства и экстремизма следует оценивать субъективные признаки. Соответственно, если хулиганский или экстремистский мотив отсутствует, то имеет место оскорбление религиозных чувств верующих.

На основании сказанного можно сделать вывод, что в текущем виде ст. 148 УК РФ расширила пределы уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.

С одной стороны, они обеспечили полноценную защиту права свободы совести и вероисповеданий. С другой, из-за неоднозначности и возможности слишком широко толковать такие понятия, как «чувства верующих», в отдельных случаях уголовная ответственность может показаться излишней и даже чрезмерной. Это касается прежде всего случаев, когда какое-либо с точки зрения одного вероисповедания является приемлемым, а с точки зрения уголовного закона – преступным. Ещё более проблемным видится соотношение уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий с правом на свободу слова, так как религия и её различные аспекты нередко становятся объектов общественной дискуссии, научных исследований и т.п.

Думается, что уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповеданий должна акцентировать внимание на защиту прежде всего от экстремистских проявлений, а не бытовых и даже публичных случаев. На

основании этого целесообразным представляется следующее: ч.ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ должны быть объединены в единую норму в следующем виде: «Оскорбление религиозных чувств граждан по мотивам религиозной ненависти или вражды, если оно совершено в местах, которые специально предназначены для религиозных обрядов и церемоний». Соответственно, ч.ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ остаются прежними, но становятся ч.ч. 2 и 3.

В свою очередь, вместо признака «публичности» предлагается использовать другой – место совершения преступления, куда входят перечисленные в ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» места (помимо религиозных зданий сюда включаются кладбища, места паломничества и др.).

Так как действия по оскорблению, совершённые в СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», выводятся из сферы ст. 148 УК РФ, то их предлагается включить в содержание ст. 282 УК РФ.

Что касается оскорбления, то оно должно быть не целью деяния, а самим действием (по аналогии со ст. 130 УК РФ), и подразумевать устные высказывания, выступления, оскорбительные действия в неприличной форме, но не повреждение либо уничтожение предметов или имущества (последнее является вандализмом). Следовательно, не будут являться преступными такие высказывания, которые ставят то или иное религиозное учение под сомнение, но в научной или другой приличной форме.

С точки зрения систематизации преступлений против религиозных отношений предложенная редакция ст. 148 УК РФ выполняет следующую функцию: оно подчёркивает экстремистскую направленность данного деяния и усиливает охрану общественных отношений по нормальному порядку проведения религиозных обрядов и церемоний в местах, которые специально отведены для этого.

Думается, что реализация предложенных правоприменительных рекомендаций и законодательных предложений сможет повысить

эффективность уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий. Более того, они могут разрешить многочисленные правовые и общественные разногласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014 – № 31 – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант»: сайт. – <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 10.11.2020).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.: в ред. от 13 мая 2004 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 1 апреля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. от 24 апреля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
7. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: в ред. от 2 декабря 2019 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: в ред. от 2 декабря 2019 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
9. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты

РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3209.

10. Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 316-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 43. – Ст. 5800.

11. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III: в послед. ред. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Параграф». – URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения 11.11.2020).

12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V: в послед. ред. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Параграф». – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения 11.11.2020).

13. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Проект «100 главных документов российской истории»: сайт. – URL: <http://doc.histrf.ru/17/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/> (дата обращения: 11.11.2020).

Научная литература

14. Багирян Г.А. Свобода совести и вероисповедания и ее соотношение со свободой слова / Г.А. Багирян, В.А. Ильиных // «Colloquium-journal». – 2019. – № 17-10 (41). – С. 36-37.

15. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П.В. Бахметьев. – Краснодар, 2017. – 239 с.

16. Беспалько В.Г. Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X-XXI вв.: монография / В.Г. Беспалько. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 231 с.

17. Бимбинов А.А. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин // *Lex Russica*. – 2017. – № 11-132. – С. 111-122.

18. Бурьянов С.А. Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализир. информ.-аналит. докл.: монография / С.А. Бурьянов, А.В. Бабушкин, Н.В. Костенко. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2007. – 272 с.

19. Бурьянов С.А. Международно-правовые документы в области свободы совести и практика их реализации в Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование за 2011 год / С.А. Бурьянов. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. – 244 с.

20. Бучакова М.А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации / М.А. Бучакова // *Вестник Омского университета*. Серия «Право». – 2017. – № 3-52. – С. 42-46.

21. Виткалов В.С. Возможность декриминализации уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания / В.С. Виткалов // *Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов*. – 2020. – С. 136-141.

22. Гончаренко А.И. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и практика применения / А.И. Гончаренко // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2018. – № 17. – С. 30-35.

23. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / В.К. Дуюнов. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. – 780 с.

24. Ермакова Т.Н. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом / Т.Н. Ермакова, К.В. Петухов // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2015. – № 18. – С. 70-76.

25. Ефимовских В.Л. Религиозные преступления в русском праве X – начала XX в.: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Л. Ефимовских. – Екатеринбург, 2002. – 229 с.

26. Жамурзов И.А. Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповедания и принцип равенства прав и свобод человека и гражданина / И.А. Жамурзов // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 6 (136). – С. 71-73.

27. Зайкина И.А. Оскорбление религиозных чувств верующих: анализ судебной практики / И.А. Зайкина, А.В. Поздняк, М.М. Сладкова // Россия и мир: развитие цивилизаций. – 2018. – № 5. – С. 559-562.

28. Иванова Т.Е. Соотношение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих, с преступлениями экстремистской направленности / Т.Е. Иванова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – № 12. – С. 31-36.

29. Калягина А.Г. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом / А.Г. Калягина, С.А. Потапов // Студенческий вестник. – 2018. – № 22-1 (42). – С. 52-55.

30. Карабанова Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования / Е.Н. Карабанова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 62-65.

31. Климанов А.М. Некоторые правила квалификации посягательств на реализацию гражданами права на свободу совести и вероисповеданий (ст.148 УК РФ) / А.М. Климанов // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. – 2014. – № 5. – С. 115-120.

32. Коняхин В.П. Российское уголовное право. Особенная часть / В.П. Коняхин. – М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 928 с.

33. Кузнецов А.О. К вопросу об уголовно-правовой охране свободы совести и свободы вероисповедания / А.О. Кузнецов, А.О. Яловой // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 2 (835). – С. 259-267.

34. Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих в контексте постсекулярной модерности / А.С. Меньшиков // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. – 2017. – Т. 12, № 4 (170). – С. 27-36.

35. Новиков В.А. Религиозные чувства и убеждения верующих как объект уголовно-правовой охраны / В.А. Новиков // Стратегия развития в XXI в.: сб. ст. – М., 2015. – С. 330-333.

36. Осавелюк А.М. Церковь и государство: монография / А.М. Осавелюк. – М.: «Проспект», 2019. – 432 с.

37. Осипов А.О. Ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по уголовному законодательству России / А.О. Осипов // Современные концепции развития науки. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 79-82.

38. Осокин Р.Б. К вопросу о признаках субъективной стороны состава преступления, сопряженного с публичными действиями, выражающими явное неуважение к обществу, и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ) / Р.Б. Осокин, В.Г. Кокорев // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. – Тамбов, 2019. – С. 403-406.

39. Осокин Р.Б. К вопросу о разграничении деяния предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» от преступлений экстремистской направленности / Р.Б. Осокин, В.Г. Кокорев // Трансформация права и правоохранительной деятельности: сб. ст. – Саратов, 2019. – С. 241-246.

40. Питулько К.В. Уголовно-правовые признаки нарушения права на свободу совести и вероисповеданий / К.В. Питулько // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 256-258.

41. Пряхина Н.И. Отдельные вопросы квалификации посягательств на свободу совести и вероисповедания / Н.И. Пряхина, Е.В. Суслина // Криминалистика. – 2019. – № 1-26. – С. 54-60.

42. Розенко Е.А. Сравнительная характеристика уголовной ответственности и наказуемости за преступления против свободы совести и вероисповеданий в уголовном праве России и Германии: тенденции развития, составы преступления, особенности / Е.А. Розенко // «Oeconomia et Jus». – 2018. – № 4. – С. 43-50.

43. Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по УК Германии (§ 167) и УК России (ст. 148) / А.В. Серебренникова // Юридические записки. – 2013. – № 1. – С. 143-148.

44. Сичкаренко А.Ю. Публичность как признак преступного нарушения права на свободу совести и вероисповеданий / А.Ю. Сичкаренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 4 (46). – С. 21-25.

45. Скороходов С.С. Свобода совести и свобода вероисповедания: доктринальные и формальные грани / С.С. Скороходов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 7 (110). – С. 61-63.

46. Смирнов А.М. К проблеме доказывания оскорбления религиозных чувств верующих по объективным признакам / А.М. Смирнов // Синергия наук. – 2018. – № 27. – С. 906-911.

47. Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.В. Тихонова. – Тамбов, 2006. – 178 с.

48. Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками / Ю.Е. Федотова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1-35. – С. 199-205.

49. Хозова Е.С. Оценочные признаки в уголовном кодексе: к вопросу о новой редакции ст. 148 УК РФ / Е.С. Хозова // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2015. – № 1-12. – С. 414-417.

50. Худиев С. Чувства верующих [Электронный ресурс] // Православный журнал «Фома»: сайт. – URL: <https://foma.ru/chuvstva-veruyushhix.html> (дата обращения: 12.11.2020).

51. Шибанова М.А. Конституционное право человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания в современной России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.А. Шибанова. – Саратов, 2009. – 227 с.

52. Шилин Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения / Д.В. Шилин // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 81-89.

53. Ширшов А.А. Ответственность за возбуждение ненависти, вражды и за оскорбление чувств верующих: опыт России и Китая / А.А. Ширшов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 1-19. – С. 148-164.

Материалы судебной практики

54. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений»: в послед. ред. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.

55. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8. – 2011.

56. Апелляционное постановление Московского областного суда от 25 октября 2018 г. по делу № 22К-7159/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/NMLBkRrGZCoj/](https://sudact.ru/regular/doc/NMLBkRrGZCoj/) (дата обращения: 12.11.2020).

57. Апелляционное постановление Тихоокеанского флотского военного суда Приморского края № 22-26/2017 от 14 марта 2017 г. по делу № 22-26/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/aFtTu1N1VDIL/](https://sudact.ru/regular/doc/aFtTu1N1VDIL/) (дата обращения: 12.11.2020).

58. Приговор Скопинского районного суда Рязанской области № 1-49/2019 от 9 августа 2019 г. по делу № 1-49/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/](https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/) (дата обращения: 12.11.2020).

59. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 31 августа 2017 г. по делу № 1-111/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/iIXa7K8FIPZO/](https://sudact.ru/regular/doc/iIXa7K8FIPZO/) (дата обращения: 12.11.2020).

60. Приговор Судебного участка № 10 Вятскополянского судебного района Кировской области от 31 мая 2016 г. по делу № 1-46/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/SByj4qeEBWrw/> (дата обращения: 12.11.2020).

61. Решение Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 21 ноября 2019 г. по делу № 2А-3566/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/uSpOU8DKFjgG/](https://sudact.ru/regular/doc/uSpOU8DKFjgG/) (дата обращения: 12.11.2020).

Данные статистики и аналитики

62. Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 11.11.2020).

63. Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 11.11.2020).

64. Религиозные организации в России [Электронный ресурс] // Статистика и показатели: сайт. – URL: <https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/> (дата обращения: 11.11.2020).

65. Статья об оскорблении чувств верующих в России и случаи вынесения приговоров. Досье [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС: сайт. – URL: <https://tass.ru/info/4245069> (дата обращения: 12.11.2020).

66. Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии [Электронный ресурс] // СПС «Гарант»: сайт. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72113832/> (дата обращения: 12.11.2020).